

На правах рукописи

МАЛЕЦКАЯ ЖАННА ВЛАДИМИРОВНА

**Н.Н. СТРАХОВ – КРИТИК И. С. ТУРГЕНЕВА
И Л. Н. ТОЛСТОГО**

Специальность 10 01 01 - Русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Махачкала 2007

Работа выполнена на кафедре русской литературы Дагестанского государственного университета

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

доктор филологических наук, профессор Горбанев Н А

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ

доктор филологических наук, профессор Ханмурзаев К Г
кандидат филологических наук, профессор Плохарская М А

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Институт языка, литературы и искусства им Г Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук

Защита состоится « 30 » января 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета К 212 053 03 по защите кандидатских диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Дагестанском государственном университете по адресу 367025, Махачкала, ул М Гаджиева, 37

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Дагестанского государственного университета

Автореферат разослан «25» декабря 2007 г

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Ширванова Э Н

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется рядом моментов. Во-первых, творчество Н Н Страхова изучено недостаточно полно и глубоко. Хотя на его работы в России никогда не налагался официальный запрет, он, как религиозный мыслитель, консерватор, идеалист и антинигилист, не соответствовал официальной идеологии и не получил достойного внимания как литературный критик. Во-вторых, несмотря на достаточно подробное изучение в отечественном и зарубежном литературоведении почвеннической критики и публицистики, Н Н Страхов как литератор долгое время оставался в тени более крупных и ярких фигур А А Григорьева и Ф М Достоевского. Необходимостью специального изучения такого сложного и неоднозначного явления в истории русской критики XIX века, как литературно-критическая деятельность Н Н Страхова и ее вершины – литературно-критические статьи о романах И С Тургенева и Л Н Толстого, самим критиком оцененные как главные в его творчестве, – также обусловлена актуальность данного диссертационного исследования.

Выбор темы диссертационного исследования – «Н Н Страхов – критик И С Тургенева и Л Н Толстого» – обусловлен, во-первых, тем, что анализируемые нами работы написаны, по словам первого биографа критика Б В Никольского, «по поводу лучших произведений наших тучших художников». Во-вторых, тем, что работы, посвященные романам И С Тургенева («Отцы и дети») и Л Н Толстого («Война и мир») до сих пор являются лучшими не только в критическом наследии Страхова, но и в российском литературоведении.

Объектом исследования являются литературно-критические работы Страхова, включенные в сборник «Критические статьи об И С Тургеневе и Л Н Толстом» «Отцы и дети», «Дым», «Два письма Н Косицы», «Последние произведения И С Тургенева (1871)», «Поминки по Тургеневу», «Война и мир» Сочинение графа Л Н Толстого Статья первая», «Война и мир» Сочинение графа Л Н Толстого Статья вторая и последняя», «Литературная новость (О появлении 5-го тома)», «Война и мир» Сочинение графа Л Н Толстого Томы V и VI», «Несколько слов к предыдущим статьям», «Взгляд на текущую литературу (об «Анне Карениной»)

Кроме вышеназванных, мы использовали и те работы Страхова, которые не вошли в указанный сборник «Бедность нашей литературы» (1868), «А С Пушкин Из книги «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1883), «Ф М Достоевский «Преступление и наказание» (1867), «Литературная деятельность А И Герцена» (1882), а также «Переписку Л Н Толстого с Н Н Страховым» (1914). В целях сравнительного анализа или для отражения полемики иногда привлекались работы других критиков Д И Писарева, П В Анненкова, Н Д Ахшарумова, А А Григорьева, Н И Соловьева.

Степень изученности. Творчество Н Н Страхова, несмотря на огромный интерес современных исследователей к русской литературе, все еще остается малоизученным. При этом наиболее яркие его статьи – о романе «От-

цы и дети» И С Тургенева и о романе «Война и мир» Л Н Толстого – всегда находились в поле зрения тех, кто изучал творчество двух писателей

Научная новизна исследования заключается в том, что в нашей работе освещаются малоизученные аспекты критической методологии Н Н Страхова (определяется специфика и прослеживается эволюция критического метода, выявляется историко-литературная концепция), впервые делается попытка представить целостную картину анализа Н Н Страховым романов И С Тургенева «Дым» и Л Н Толстого «Анна Каренина»

Цель исследования – осветить основные аспекты критической оценки Н Н Страховым романов И С Тургенева («Отцы и дети», «Дым») и Л Н Толстого («Война и мир», «Анна Каренина»)

Эта общая цель реализуется в работе через решение ряда частных задач, главными среди которых являются

1 Выявить философские основы и методологические принципы литературной критики Н Н Страхова

2 Указать на особое место Н Н Страхова среди критиков-почвенников

3 Определить главный стержень историко-литературной концепции Н Н Страхова

4 Выделить основные положения анализа романов И С Тургенева и Л Н Толстого и на фоне их сопоставления показать эволюцию критического метода Н Н Страхова от почвенничества (оценка романа «Отцы и дети») - к славянофильству (оценка романов «Дым», «Война и мир», «Анна Каренина»)

На защиту выносятся положения:

1 Н Н Страхов занимает особое место в ряду критиков-почвенников (А А Григорьев, Ф М Достоевский), в силу своего консерватизма, идеализма и антинигилизма, что позволяет выделить целый ряд пунктов, разграничивающий литературную критику Н Н Страхова и «органическую критику» А А Григорьева

2 В основе историко-литературной концепции Н Н Страхова лежит «борьба с Западом в нашей литературе» и, как следствие этого, антинигилистическая направленность его работ, так как «нигилизм есть крайнее западничество – западничество, последовательно развившееся и дошедшее до конца»

3 В оценках вершинных произведений русской литературы – романов И С Тургенева и Л Н Толстого – ярко проявилась эволюция критического метода Н Н Страхова

4 К первому периоду критической деятельности Н Н Страхова относится написание и публикация статьи о романе И С Тургенева «Отцы и дети» (1862) Близость к «почвенническому» направлению сказалась как на понимании и оценке романа, так и на критическом методе Страхова, который отличается здесь относительной объективностью подхода к разбираемому произведению

5 Для позднего Страхова – второй и третий периоды его критической деятельности (вторая половина 60-х – 80-е годы) – такая широта и непредвзятость не характерны. Его критерии приобретают жесткую нормативность, в оценках усиливаются консервативные и антинигилистические элементы. Это очевидно проявляется в статьях о романах «Дым» (И.С. Тургенева), «Война и мир» и «Анна Каренина» (Л.Н. Толстого). В этот период особенно заметны отступления критика от методологии «органической критики» А.П. Григорьева и от «почвенничества».

Методологической и теоретической основой исследования послужили работы по теории и истории критики Б.Ф. Егорова, В.И. Баранова, Ю.Б. Борева, Н.А. Горбанева, а также работы Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, В.Е. Хализева по теории литературы.

Методы исследования, используемые в диссертации: аналитический, проблемно-хронологический, описательный.

Практическая значимость работы заключается в том, что основные наблюдения и выводы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории русской критики, журналистики и литературы, при составлении программ и учебных пособий в вузовской практике, в школьном курсе русской литературы – при изучении творчества И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.И. Герцена, Л.Н. Толстого.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты ее могут найти применение при решении вопросов, связанных с изучением творчества Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, А.И. Герцена, а также в дальнейшей и более глубоком исследовании почвеннической и славянофильской критики.

Апробация результатов исследования проводилась на научных конференциях профессорско-преподавательского состава в Дагестанском государственном университете, на занятиях по ОПДВ со студентами 4 курса филологического факультета Дагестанского государственного университета. Работа была обсуждена на кафедре русской литературы ДГУ.

Структура работы подчинена решению поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Объем диссертации – 180 страниц машинописного текста. Список использованной литературы включает 171 наименование.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется объект исследования, его цель и задачи, обосновывается актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, кратко освещается история вопроса.

Глава первая - «**Николай Николаевич Страхов – критик и публицист в литературной и общественно-политической борьбе 1860-1870-х годов**» - является вводно-теоретической. Здесь определяется роль и место Н.Н. Страхова в литературно-критической борьбе эпохи, исследуется его критический метод, выявляется историко-литературная концепция.

В первом параграфе первой главы – «Общественно-политическая ситуация и литературно- критическая борьба в 1860-1870-е годы» - рассмотрены основные общественные силы и направления, в частности, почвенничество и славянофильство, с которыми непосредственно связано творчество Н Н Стрхова

Почвенничество, к которому примыкал в данный период своей критической деятельности Стрхов, выступило на литературной арене в самом преддверии крестьянской реформы, когда борьба вокруг стержневого вопроса – реформа или революция? – достигла наивысшего накала. Это был переломный период русской жизни, когда сама историческая ситуация, с одной стороны, подорвала платформу славянофильства (основной тезис о некапиталистическом пути развития России), с другой стороны, произошло размежевание в лагере западников

Попытка идеологов почвенничества встать «над схваткой», синтезировать все лучшие завоевания эстетической мысли и преодолеть их крайности определял промежуточное положение почвенников в критической борьбе 60-х годов XIX века. Почвенничество уже в значительной степени оформилось как направление в годы, предшествовавшие основанию первого журнала братьев Достоевских «Время». В 1859 году с большим циклом статей «И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» выступил Ап Григорьев. Слово «почва» в цикле – ключевое понятие и эмблема нового, нетеоретического, органического направления.

Статью М М Достоевского о драме А Н Островского «Гроза» Г М Фридендер справедливо рассматривает «как первое известное нам печатное выражение «почвеннических» убеждений братьев Достоевских, получивших вскоре отражение во «Времени» и «Эпохе»¹. Впервые в статье прозвучало слово-понятие «всепримиримость», обозначающее особенное, отличительное свойство, присущее славянам, и среди них преимущественно русским.

Идеи почвенничества, коротко – лозунгами и тезисами – сформулированные в «Объявлении», Достоевский подробнее, обстоятельнее излагает в большом публицистическом цикле 1861 года «Ряд статей о русской литературе» и статье «Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого)». Цикл стал идеологическим стержнем журнала, к которому в той или иной степени тяготели почти все заметки, статьи, рецензии, реплики, публиковавшиеся в критическом и общественно-политическом отделах «Времени».

Все почвенники – и Ап Григорьев, и Ф М Достоевский, и Н Н Стрхов – призывали к сближению с народом («почвой») – выразителем русского национального характера. Они, принимая западную культуру, резко выступали против революций, экстремизма и нигилизма, считая эти явления про-

¹ Фридендер Г М. У истоков «почвенничества» (Ф М Достоевский и журнал «Свечеч») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. С. 406

дуктом западного влияния, несущим хаос, жестокость, экономическое и духовное разрушение

Но каждый из представителей почвенничества, несмотря на общность взглядов, имел и свои собственные убеждения. Оттенки в понимании «почвы», разная мера стихийно-демократических и консервативных начал в их мировоззрении определили их неодинаковую роль в идейной борьбе 60-х годов XIX века

Во втором параграфе первой главы – «Особенности литературно-критического метода Н.Н. Стрхова» - мы рассмотрели основные принципы критического метода Стрхова, которые являются логическим следствием его философских и общественно-политических взглядов

В российском литературоведении сложилась традиция, идущая еще от Б.В. Никольского и А.Л. Вольнского, считать Стрхова «почвенником» и учеником Аполлона Григорьева в деле литературной критики. Но эта общеизвестная и ставшая традиционной трактовка, которую поддерживает ряд современных исследователей (У.А. Гуральник, Н.Н. Скатов, В.В. Тихомиров), заслуживает особых оговорок.

Серьезные расхождения между двумя критиками - почвенниками были такого свойства, что побуждают внести существенные коррективы в формулу «учитель - ученик». Можно выделить целый ряд пунктов, разграничивающий литературную критику Стрхова и «органическую» критику А.П. Григорьева.

А.П. Григорьев и Ф.М. Достоевский считали «почвенничество» новым направлением русской мысли и отделяли его как от западничества, так и от славянофильства. Мнение Стрхова по этому поводу было неоднозначным и противоречивым.

Если в письме Ф.М. Достоевскому (1868) критик пишет «Для меня необыкновенно дорога честь и значение нашего литературного кружка. Я до сих пор полагаю, что это главная струя нашей литературы», довольно высоко оценивая почвенничество и его печатный орган - «Время», то в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» (1883) он уже более определенно выражает свое мнение «Мысль о новом направлении, однако же, сперва занимала меня, особенно вследствие влияния А. Григорьева, но очень скоро, может быть, по своему нерасположению к неопределенности, я порешил, что нужно прямо признавать себя славянофилом, когда признаешь существенные начала этого учения».

Особой была и эстетическая позиция Стрхова. И А.П. Григорьев в целом ряде статей, и Ф.М. Достоевский в работе «Гибель и вопрос об искусстве» наряду с выпадами против материалистической эстетики и «реальной критики» отвергали теорию «искусства для искусства». Стрхов в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» писал о том, что он держался обыкновенно немецкой теории свободы художника, согласно которой литература, искусство должны отрешиться от служения минуте и посвятить себя служению вечности.

Эстетические взгляды критиков – «учителя» (Ап Григорьев) и «ученика» (Н Н Страхов) – базируются на разных философских системах Ап Григорьев уподобляет произведения искусства произведениям живой природы, исходя из основных положений органической эстетики Шеллинга «Искусство - высшая форма постижения мира, единство сознательной и бессознательной, теоретической и практической деятельности»¹ Страхов следует за гегелевской формулой «Искусство есть мышление в образах»² Это определяло не только специфику искусства, но и его низшее – по сравнению с философией – место в иерархии познавательных форм Отсюда особое, рационалистическое, понимание искусства – стремление непременно докопаться до «мысли» произведения

Свидетельством того, что Страхов понимал упрощенно принципы критической методологии Ап Григорьева, является тот факт, что он, в отличие от своего «учителя», руководствовался не столько критерием «органичности» общественных и литературных явлений, сколько мерой их соответствия или несоответствия норме Критерием григорьевского принципа «органичности» является мера жизненности явлений, того, насколько глубоко уходят они корнями в народную жизнь, в какой степени являются ее «вехнями» и «голосами» Из них вырастает своеобразный адогматизм критической мысли Ап Григорьева, вступавшей нередко в конфликт с почвеннической схемой, склонность критика к диалогу даже с идейными оппонентами, коль скоро их позиция отвечала критерию органичности Такие критерии и принципы для Страхова были неприемлемы, поскольку борьба с Западом и западничеством была и главной темой его литературных работ, и углом зрения на явления, и мериллом их оценки

Отсюда довольно четкое различие между «учителем» и «учеником» в их отношении к демократическому движению 60-х годов, к «теоретикам» и «нигилистам», которое проявляется в их теории и критической практике

В первой статье о Л Н Толстом «Общий взгляд на отношения современной критики к литературе», опубликованной в 1862 году во «Времени», Ап Григорьев делает вывод о глубокой связи «теоретического лагеря» с национальным характером и с требованиями современной русской жизни Он отмечает, что критический прием демократов имеет свое важное и великое значение, вытекает прямо из народной сущности, из свойств самой природы русского человека Страхов в статье «Бедность нашей литературы» (в известном смысле программной для критика), главный упор делает на доказательстве бесплодности «теоретиков», их оторванности от реальной русской жизни

¹ Шеллинг Ф В Философия искусства М, 1966 С 463

² Гегель Г В Ф Эстетика Собр соч В 4-х т М, 1968-1973 Т 2 С 96

Он разъясняет излюбленную антитезу «теория - жизнь» «Истинная поэзия чужда теории, чужда отвлеченных определений, так как источник ее есть жизнь, которая шире всяких теорий»¹

Далее, развивая свою мысль, Страхов критикует нигилизм, который возник под влиянием Запада и есть крайнее западничество У нигилизма, по мнению критика, нет будущего, так как невозможно ждать «чего-нибудь нормального и красивого от людей, разорвавших связь со своею историей и народностью», художественные отражения нигилизма являются одной чистой видимостью, скрывающей отсутствие всякого искусства, ибо «где нет жизни, там не может быть искусства»

Расхождение между двумя критиками – Ап Григорьевым и НН Страховым – очень ярко проявляется в их критической практике, например, в оценке поэзии Н А Некрасова Ап Григорьев замечает, что причина неоспоримой силы и популярности Некрасова – «в органической связи с жизнью, с действительностью, народностью» Вместе с тем критик «обвиняет» Некрасова в том, что поэт «иногда слишком отдавался своей «музе мести и печали» Страхов же на протяжении 60-70-х годов занимался в основном развенчанием Некрасова Он отрицает народность некрасовской поэзии, отметив, что стихи Некрасова, в которых так много говорится о народных страданиях, давно уже признаны не выражающими полного сочувствия народу, не проникнутыми его действительным пониманием, пишет даже о противоречии между духом народа и духом Некрасова

Репутация Страхова как ученика Ап Григорьева, основывается главным образом на статьях о романе «Война и мир» Во второй статье цикла подробно изложены критические и историко-литературные взгляды Ап Григорьева, которыми критик якобы руководствуется в своем анализе эпопеи Л Н Толстого

Но именно здесь наиболее ярко проявляется отступление «ученика» от методологии и идей «учителя»

Во-первых, Страхов упростил и тем самым исказил взгляды Ап Григорьева на место и роль «белкинского» типа в творчестве позднего Пушкина и в послепушкинской литературе Диалектически сложную и не лишенную реальной глубины типологию характеров, предложенную Ап Григорьевым, критик свел к отрицанию «хищного» типа и к превознесению типа «смирного», что противоречило самой сути григорьевской концепции Во-вторых, Страхов исказил взгляды Ап Григорьева на творчество молодого Толстого, суть которых состояла в предостережении писателя от чрезмерно негативного отношения к «блестящему» типу и от поэтизации типа «смирного» В-третьих, если для Ап Григорьева наш единственный герой - это Чацкий, то для Страхова характерно преклонение перед «героизмом смирения», идеальное воплощение которого он нашел в Платоне Каратаеве

¹ Страхов Н Н Бедность нашей литературы // Литературная критика. СПб, 2000 С 72

Приведенные факты достаточно отчетливо выявляют грань между «органической критикой» Ап Григорьева и «славянофильской» – по своей жесткой нормативности и тенденциозности – критикой Н Страхова, между стихийным, хотя и нереволюционным, демократизмом «учителя» и вполне осознанным, последовательным консерватизмом его не совсем верного «ученика»

Третий параграф первой главы – «Историко-литературная концепция Н Н Страхова» Главной тенденцией русской критики с самого начала ее зарождения было стремление охватить литературный процесс в развитии и пресмысленности, выявить основной критерий литературной эволюции

Определить движущую силу русской литературы пыгается в своей критической деятельности Н Н Страхов Основной «задачей» русского искусства Страхов считает воссоздание героических идеалов и героических воззрений русского народа, а в связи с этой основной задачей – характернейшей особенностью всего хода русской литературы – освобождение от увлечений западными героическими идеалами

В полном соответствии с названной выше «задачей» в литературно-критической концепции Страхова вся история русской литературы предстает как история «постепенного освобождения русского ума и чувства от западных влиятельных, постепенного развития нашей самобытности в словесном художестве»¹

Таким образом, в основе историко-литературной концепции Николая Страхова лежит «борьба с Западом в нашей литературе» и, как следствие этого, антинигилистическая направленность его литературно-критических работ Борьба с «нигилизмом» или «крайним западничеством» составляет стержень критики и публицистики Страхова, главное содержание всей его литературной деятельности

Органическим результатом развития всей русской литературы явилась, по мнению Н Н Страхова, эпопея Л Н Толстого «Война и мир», в которой раздался голос «за простое и доброе», олицетворяющее русский национальный тип, поднявшийся против «ложного и хищного», «враждебного и чуждого»

Идея народности (в смысле национальности и национальной самостоятельности) – стержневой элемент в структуре мысли Страхова-славянофила Свообразие этот – общей для всех почвенников – идеи у Страхова состояло в ее чисто консервативном наполнении В отличие от «демократической народности» Ап Григорьева и двуединой – национальной и народной одновременно – точки зрения Достоевского, «народность» Страхова лишена народного, то есть демократического содержания Консервативно понимаемая народность приводит критика к односторонним оценкам многих явлений русской жизни и литературы

¹ Страхов Н Н Герцен // Борьба с западом в нашей литературе СПб, 1882 С 94

Четвертый параграф первой главы – «Эволюция критического метода Страхова» Критическую деятельность Страхова можно разделить на несколько основных этапов, первый из которых связан с журналами «Время» и «Эпоха» (1861-1865), следующий приходится на вторую половину 60-х – начало 70-х годов (когда критик печатался в разных изданиях, а в течение 1869-1871 годов вел критический отдел в журнале «Заря»), а третий завершается в 80-е годы

В ранний период своей критической деятельности (время сотрудничества в журнале «Время») критик идейно и методологически был наиболее близок к Ап Григорьеву и Ф М Достоевскому, находясь под их непосредственным влиянием. Об этом свидетельствует целый ряд фактов: во-первых, заметка «Несколько слов о г Писемском, по поводу его сочинений», где по существу повторяется григорьевская характеристика и оценка «безыдеального» творчества Писемского, во-вторых, статья-некролог «Н А Добролюбов» (1862), повторяющая – хотя и с некоторыми характерными отклонениями ту оценку, которая была дана критику-демократу Ф М Достоевским (в заметке от редакции) и Ап Григорьевым (в первой статье о Льве Толстом). В-третьих, к этому времени относится написание и публикация статьи о романе И С Тургенева «Отцы и дети» (1862)

Близость к «почвенническому» изданию сказалась как на понимании и оценке романа, так и на критическом методе Страхова, который отличается здесь относительной объективностью подхода к разбираемому произведению. Именно этот первый период литературно-критической деятельности Страхова можно определить как «почвеннический»

Для позднего Страхова – второй и третий периоды его критической деятельности (вторая половина 60-х - 80-е годы) – такая широта и непредвзятость не характерны. Его критерии приобретают жесткую нормативность, в оценках усиливаются консервативные и антинигилистические элементы. Это очевидно проявляется в статьях о «Войне и мире». В этот период особенно заметны отступления критика от методологии «органической» критики А А Григорьева и от «почвенничества». Именно в этот период Страхов иначе, то есть более отрицательно, оценивал и тип «нигилиста» как общественное явление, и литературу, его запечатлевшую, в частности, роман «Отцы и дети».

Глава вторая – «Н. Н. Страхов – критик И. С. Тургенева» - посвящена критической оценке Страховым романов И С Тургенева «Отцы и дети» и «Дым»

Первый параграф второй главы – «Полемика вокруг романа И С Тургенева «Отцы и дети» - раскрывает основные этапы и направления «борьбы» вокруг романа «Отцы и дети»

Появление романа в начале 1862 года на страницах журнала «Русский вестник» вызвало вокруг него ожесточенные споры. Обусловлены они были не только сложной и противоречивой фигурой тургеневского героя-нигилиста и неоднозначностью авторской оценки ее, но и тем, что демо-

крат-разночинец Базаров был показан в остром конфликте с «отцами», либералами-дворянами Кирсановыми. В спорах о тургеневском романе и его главном герое, которые проходили в накаленной атмосфере начала 1860-х годов, истина, конечно, не могла родиться, но первые серьезные подступы к ней были сделаны в статьях Писарева, Страхова, позднее – Герцена.

Второй параграф второй главы – «Роман И С Тургенева «Отцы и дети» в оценке Н Н Страхова» - освещает основные аспекты осмысления критиком тургеневского романа.

В заметке «Новые люди», опубликованной в одном из последних номеров «Эпохи», Страхов обращает внимание читателей и критиков на знаменательный литературный факт – появление целого ряда произведений о новых людях, или нигилистах и ставит задачу перед нашими «тонкими и пронизательными критиками» «Уловить черты этого воздушного образа, столь долго занимавшего собою наших писателей и читателей».

Эта генеральная задача решается самим Страховым в ряде статей о романах И С Тургенева («Отцы и дети», 1862), Н Г Чернышевского («Что делать?», 1865) и Ф М Достоевского («Преступление и наказание», 1867). Все три романа объединились в его сознании темой нигилистов, которая была рассмотрена в статьях под почвенническим углом зрения.

Анализ романа «Отцы и дети» является одним из наиболее значительных достижений Страхова-критика. Здесь оценки Страхова оказались наиболее адекватными авторскому замыслу, поскольку в ранний период своей критической деятельности Страхов, находясь под влиянием почвеннических идей братьев Достоевских и всей редакционной концепции журнала «Время», еще декларативно не заявлял ни о своем «органическом нерасположении к нигилизму», ни о своих «славянофильских» склонностях.

Критик в полной мере приложил свои «эстетические начала» к роману Тургенева, как к «частному случаю». Страхов высоко оценивает и роман Тургенева и его главного героя - Базарова. «Его новое произведение есть истинно поэтическое дело».

Отталкиваясь от концепции «реальной критики», Страхов дает почвенническое понимание назначения искусства и художника – «предугадывать» веяния жизни, обладать совершенной подвижностью и «глубокой чуткостью», «любовью к жизни», придавать «наружное проявление тому, что уже существовало в виде мысли и убеждения», потому что «поэты – пророки, провидцы, они проникают в самую глубину вещей и открывают в них то, что оставалось скрытым для обыкновенных глаз».

Почвенничество критика выразилось и в трактовке главного героя как национального характера («он более русский, чем все остальные лица романа»). И подтверждается это положением отношением Базарова к народу, складом его ума, простотой и меткостью его речи.

Характеризуя Базарова, Страхов использует терминологию «органической критики» – «щедро снабжен плотью и кровью», «назвать его сочиненным нельзя», «волна жизни», «неразвившиеся зародыши», «мираж»,

«перл создания», «фантом», «живая жизнь», «жизненность», «фантазмагория»

По своему пониманию главного героя в этой статье Страхов приближается к оценке Базарова Д И Писаревым

Страхов считает образ «жизненным» и «типичным», называет его художественным открытием писателя, который дал «имя и образ» тому, что впервые появилось в русской действительности

Критик игнорирует социальную проблематику романа, сосредоточившись на его центральном образе Критику удастся дать полную и глубокую характеристику героя Отмечены почти все основные черты его характера – гордость, самолюбие

Страхову удалось увидеть и истинную суть конфликта романа - столкновение Базарова с самой жизнью, то есть в почвенническом понимании - столкновение теории и жизни Страхов считает, что Базаров, как человек теории и человек, созданный теорией, побежден самой жизнью По мнению Страхова, трагический финал романа, в котором герой проходит испытание смертью, раскрывает перед читателем масштаб его личности и провозглашает победу жизни над теорией

В то же время в этой статье появилась и отличительная особенность Страхова как почвенника Прежде всего – это его яростная полемика с революционерами-демократами Вся статья пронизана этим полемическим пафосом Во-вторых, это критика нигилизма как явления времени

Характерная черта критического метода Страхова отличающая его от других почвенников – это понимание природы искусства как мышления в образах и стремление докопаться до «мысли» произведения – также нашла отражение в трактовке романа и его главного героя О Базарове он, с одной стороны, говорит, что «назвать его сочиненным нельзя», с другой стороны, тут же пишет «Базаров есть лицо созданное» Приоритет мысли для критика выражен в статье вполне однозначно «Тургенев есть писатель, усердно следящий за движением русской мысли»

Интересна трактовка Страховым отношения Базарова к природе и искусству Критик считает, что они отвергаются героем не потому, что он не понимает их, а потому, что понимает их слишком глубоко и боится их «всепоглощающей силы»

Как и Д И Писарев, критик рассматривает Базарова в пределах типа «лишнего человека», считая его «непосредственным продолжателем Онегинных, Печоринных, Рудинных, Лаврецких» В то же время отмечает, что в нем жажда деятельности дошла до крайней степени и «он неизбежно схватится за дело при первом удобном случае»

Трагизм Базарова – вот что увидели Страхов и стоящий с ним тогда рядом Достоевский И это вполне соответствует замыслу Тургенева В целом же статья Страхова выражала общую точку зрения почвенников на тургеневский роман Возможно, поэтому она осталась в наследии Страхова самой цельной, стройной и критически точной из всего написанного им

Третий параграф второй главы – «Переоценка НН Страховым творчества ИС Тургенева»

НН Страхов не удержался на той высоте критического понимания романа «Отцы и дети», которая была свойственна его первой статье о Тургеневе В последующих статьях «тургеневского» цикла – «Дым», «Два письма Н Косицы», «Последние произведения Тургенева» (1871), «Поминки по Тургеневу» – критик пересматривает свои оценки и таланта писателя, и романа «Отцы и дети», и фигуры Базарова

Страхов дает резко отрицательную оценку тургеневскому «Дыму»

ПВ Анненков, представитель «эстетического» направления русской литературы 40-80-х годов XIX столетия, высоко оценивает «Дым» в статье «Русская современная история в романе ИС Тургенева «Дым» (1867), разделяет грустную оценку Тургеневым современной русской жизни, распространяет ее характеристику – «дым» – и на любовный сюжет, и на политическую ситуацию, как и сам автор

Точка зрения Тургенева и Анненкова вызвала гневную отповедь Страхова, поскольку такой вывод, по его мнению, звучит резким диссонансом всему описанному в романе, является немотивированным, непоследовательным и логически не вытекает из произведения «не дым все русское» Именно эта фраза является ключевой в страховском разборе «Дыма»

В полном соответствии со своими эстетическими взглядами на свободу творчества и на бесспорные права художника на эту свободу Страхов провозглашает гимн в честь писателей, однако Тургенев почти полностью лишен перечисленных критиком «общепризнанных прав»

Здесь намечены первые штрихи одной из основных линий пересмотра критиком творчества Тургенева глубокий разрыв между «десницей» и «шуйцей» писателя – между поэтической правдой Тургенева-художника и заблуждениями Тургенева как мыслителя-западника

Поэтому вполне логичным является вывод о том, что Тургенев совершенно не вписывается в предложенную Страховым концепцию развития русской литературы «Из всех значительных писателей он один остался почти чужд того, что в нашем обществе принято называть элементами славянофильства»

Тургенев своим «Дымом» «хочет казнить», развенчивать, разоблачать русскую жизнь, но в повести она «нимало не казнится», – считает Страхов Происходит это из-за указанного выше разлада между Тургеневым-поэтом и Тургеневым-мыслителем

Антизападническим идеям и настроениям автор «Дыма» противопоставил свою программу развития России по европейскому пути, по пути просвещения и демократии Но эта позитивная программа, высказанная устами Потугина, при всей истинности лежащих в ее основании положений, носила достаточно абстрактный характер, что вполне осознавалось Тургеневым Неслучайно для Литвинова «даже все то, что проповедовал Потугин дым, дым и больше ничего» И неслучайно, что ни сам Потугин, ни Литвинов в

романе ничего не делают для ее реализации Поэтому Страхов не замечает, а если и замечает, то не считает заслуживающим внимания «положительное ядро» потугинской программы А слово «цивилизация» – одно из ключевых этой программы – им язвительно высмеивается «Цивилизации, цивилизации Да, хорошие бывают слова!»¹

Эти выводы Страхова закономерны, они логически вытекают из его точки зрения на существующее противоречие между поэтом и мыслителем в Тургеневе, о котором он неоднократно говорил И поэтическая правда Тургенева-художника одерживает победу над заблуждениями Тургенева как мыслителя-западника, а анализ «светлых и определенных идеалов» Тургенева сводится к простой мысли «Западникам нечего проповедовать», так как своего «за душой у них ничего пока нет»

Отрицательная оценка тургеневского «Дыма» является вполне логичной в контексте пересмотра и переоценки критиком фигуры Базарова, и романа «Отцы и дети», и всего тургеневского таланта

Одна из линий этого пересмотра – утверждение, будто в природе мировосприятия и таланта писателя – разоблачение и развенчание передовых людей, носителей дум поколений от Рудина до Базарова «Конечно, он разоблачил, развенчал и казнил Базарова», – писал Страхов в 1863 году И сам нигилизм не избежал этой же участи «Некогда, когда на переднем плане стоял нигилизм, Тургенев не преклонился перед ним, а напрогив – назвал его по имени и разоблачил его», – констатирует критик

Дело было, конечно, не в противоречии между поэтом и мыслителем в Тургеневе, на котором настаивает Страхов, а в нараставшем ужесточении позиции самого критика по отношению к «нигилизму», к демократическому движению и идеям 60-70-х годов В этой переоценке тургеневского героя – и романа «Отцы и дети», и таланта писателя в целом – доведенной в покаянном предисловии ко второму изданию сборника «Критических статей об И С Тургеневе и Л Н Толстом» до полного отречения от своей первой статьи, ярко проявилась эволюция Страхова от почвеннического либерализма к консерватизму славянофильской окраски, от методологии «органической» критики с ее относительной широтой и объективностью в подходе к литературным произведениям – к жесткой нормативности их оценки по критерию принадлежности к «западническому» или «славянофильскому» флангу в русской литературе

Третья глава диссертации – «Романы Л.Н.Толстого в критике Н.Н.Страхова» – посвящена основным аспектам критического анализа Страховым романов «Война и мир» и «Анна Каренина»

В первом параграфе третьей главы – «Полемика вокруг романа Л.Н. Толстого «Война и мир» – мы рассмотрели оценку романа Толстого в русской критике рубежа 1860-70-х годов Для основных направлений этой критики характерно было неприятие романа На общем критическом фоне сде-

¹ Страхов Н Н Дым // Литературная критика СПб, 2000 С 231

ланный Страховым разбор «Войны и мира» выглядел «поэмой», в четырех «песнях» - статьях которой роман не столько критически анализировался, сколько воспевался и возвеличивался

В ряду критических работ Страхова цикл статей о романе «Война и мир» занимает особое место, являясь своего рода кульминацией его литературной деятельности «Лучшим своим делом, – писал Страхов в письме Л Н Толстому от 26 ноября 1873 года, – я считаю все-таки мою критическую поэму в четырех песнях – «Критический разбор «Войны и мира»»¹

Второй параграф третьей главы - «Н Н Страхов о романе Л Н Толстого «Война и мир» - раскрывает основные аспекты анализа критиком толстовского романа

В том прочтении «Войны и мира», которое предложил Страхов в своей «критической поэме», следует, прежде всего, четко отличать то, что он «вычитал» из романа, исходя из позитивных сторон критической методологии Ап Григорьева и руководствуясь незаурядным критическим чутьем и пониманием, от того, что он «вчитал» в произведение как «славянофильствующий консерватор»

В романе Л Н Толстого «Война и мир» критиком сразу было отмечено последовательное утверждение национальных положительных начал «Война и мир» характеризуется критиком как большое достижение русской самобытной художественной мысли, противостоящее распространившемуся в России отрицанию национальных жизненных устоев

Во многом глубоко и точно описал Страхов (особенно в первой статье цикла) некоторые существенные черты художественного реализма Толстого

Во-первых, это объективность повествования, в частности изображение картин, событий и описаний с точки зрения того или иного лица «Чем все поражены в «Войне и мире»? Конечно, объективностью, образностью»

Во-вторых, это умение воссоздать полно и точно жизненную атмосферу, окружающую тех или иных героев В этом отношении «Война и мир» представляет, по словам критика, истинные чудеса искусства, так как схвачены не отдельные черты, а целиком та жизненная атмосфера, которая оказывается различной около различных лиц и в разных слоях общества

В-третьих, определенная доля истины была и в утверждении Страхова о том, что Толстой – не реалист-обличитель, не реалист-фотограф, а реалист-психолог

В-четвертых, Страхов рассматривает сложную проблематику романа «Война и мир» Критиком отмечается и «идея героической жизни, представляющаяся в изображении громадных исторических событий», «напряжение народных сил», и переплетение героического с будничным, и отношение частного человека к истории, и многое другое

В-пятых, подробно рассматривает критик основных героев романа, отмечая синтез светлых и темных сторон в каждом человеке «Перед нами нет

¹ Переписка Л Н Толстого с Н Н Страховым СПб, 1914 С 78

ни классических злодеев, ни классических героев, душа человеческая является в чрезвычайном разнообразии типов»

Следующая идея, на которой акцентирует внимание Страхов, - «мысль семейная», содержание которой состоит в православном соборном начале, противостоящем фальши светской жизни. Критик обращает внимание на «идею народную», противостоящую «космополитической идее» французов, действующих «во имя общих начал», чуждых, по мысли Страхова-почвенника, русским традициям.

Общий смысл романа в итоге анализа критик выводит, как «веру в жизнь, признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум», веру во внерациональные духовные ценности, такие, как «простота, добро и правда».

Но бесспорной заслугой Страхова - критика является понимание им уникальной жанровой природы «Войны и мира». Одним из первых среди критиков - современников Страхов дает определение жанра произведения как эпоса в современных формах искусства или романа - эпоса, как принято говорить в современном литературоведении. «Огромная картина гр. Л. Н. Толстого есть достойное изображение русского народа. Это - действительно неслыханное явление, эпоса в современных формах искусства»¹. Хотя это положение не было Страховым подробно обосновано и развито, жанровый критерий позволил ему увидеть в поистине универсальном содержании романа многое из того, что оставалось вне поля зрения тех критиков, которые смотрели на «Войну и мир» как на роман чисто исторический (П. В. Анненков, А. П. Пятковский), историко - полемический (А. С. Норов, П. А. Вяземский, П. К. Щербальский), социально - психологический и бытовой (Д. И. Писарев, В. В. Берви-Флеровский, В. П. Буренин) или философский (Н. В. Щелгунов).

Страхов прежде всего увидел в «Войне и мире» героическую историю России и верно понял мысль Толстого о необходимости преобразования в новейшей реалистической литературе самого понятия героического.

С этой точки зрения он разбирает характеры Андрея Болконского, Пьера Безухова, Николая Ростова. «Главная мысль, которую он руководствуется при изображении героических явлений, состоит в том, чтобы открыть их человеческую основу, показать в героях - людей». Страхов сопоставил характеры Кутузова и капитана Тушина как воплощение некоторых общих и глубоких особенностей народного характера.

Все эти вопросы рассматривались критиком в свете славянофильских идей и уже по одному этому их решение не было точным и адекватным роману, но вместе с тем здесь поднимался значительный пласт действительно идейно - художественного содержания «Войны и мира».

Очень важным аспектом страховского анализа романа является вывод о целостности «Войны и мира». Страхов судит о книге не по частям, а в це-

¹ Страхов Н. Н. Война и мир // Литературная критика. СПб., 2000. С. 340.

лом и доказывает, что можно и нужно исследовать художественную структуру толстовского повествования как нечто завершенное, органически целое, в котором нет ничего лишнего, случайного, незначительного

Смелой и оригинальной была попытка Страхова установить преемственность «Войны и мира» с пушкинской традицией в русской литературе, конкретно – с «Капитанской дочкой» Родственностью двух произведений русского классического реализма в понимании национального характера, меры душевной красоты и героизма, в самом духе и тоне романа Толстого и повести Пушкина была верно почувствована и отмечена Страховым

Одна из заслуг Страхова в годы, когда Толстого, по его собственным словам «ужасно бранили» и «совсем отрицали как мыслителя» - состояла в сравнительно высокой оценке философско-исторических размышлений писателя По мнению критика «классические страницы» этих размышлений и художественная хроника идейно едины С другой стороны, Страхов считает философские рассуждения чем-то неорганичным для романа, механически к нему «присоединенным» «Философские рассуждения гр Л Н Толстого сами по себе чрезвычайно хороши, если бы он выступил с ними в отдельной книге»

«Борьба с Западом», которая является стержнем и главным содержанием деятельности Страхова, продолжается и на страницах статей «толстовского цикла» в виде полемики с теми, кого критик считает причастными к «западничеству» и его русскому отражению и выражению – «нигилизму» Сюда им относились Белинский и критики его школы (Добролюбов и Писарев), русские художники – реалисты, современники Толстого – Тургенев, Островский и Некрасов

С А Венгеров, отмечал, что Страхов не просто поклоняется автору «Войны и мира» как великому художнику, а «непреренно хотел видеть в Толстом опору в своей борьбе против идей 60-х годов» «Страхов выдвигал Толстого партийно - как новое знамя», - замечал исследователь Б М Эйхенбаум А Э Г Бабаев, считает даже, что защита Толстого была для него (Страхова – Ж М) одной из форм «борьбы с Западом»

Традиция считать Н Н Страхова учеником А А Григорьева в деле литературной критики очень ярко сказалась в том, что целый ряд современных исследователей развивает эту мысль именно в приложении к страховскому анализу «Войны и мира» Требуют уточнений и корректив «заявления» исследователей Н Н Скатова («Самое столкновение Наполеона и Кутузова в «Войне и мире», в которых Страхов видел выражение двух противоположных жизненных типов – «хищного» и «смирного», простого – он истолковал в духе Ап Григорьева») и В В Тихомирова («В утверждении преемственности художественных принципов и идейных исканий Пушкина и Толстого Страхов руководствуется концепцией Ап Григорьева»)

Мы придерживаемся точки зрения Н А Горбанева, считающего, что воспевание в «критической поэме» смирения как доминанты русского национального характера, «смирного типа» и «смирного героизма» как будто наи-

более характерных для русского народа, является предметом искажения мысли Ап Григорьева, который ни в своих «пушкинских» статьях, ни в специальной работе о Толстом не только не идеализировал и не героизировал тип «смирного» человека, но, напротив, предостерегал молодого писателя от некритического, излишне сочувственного к нему отношения

Страхов доказывает, что наша художественная литература представляет непрерывную борьбу между «хищным» и «смирным» типами, стремление найти между ними правильные отношения - то развенчивание, то вознесение одного из этих типов. И свой разбор «Войны и мира» Страхов хотел привести в соответствие с той «схемой», которую он сам приписывал (или даже навязывал?) Ап Григорьеву. Уже само стремление Страхова рассматривать систему образов «Войны и мира» в категориях «смирного» и «хищного» типов делало его анализ крайне искусственным и схематичным, представляло всю идейно-образную структуру романа в искаженном виде.

Многое из сказанного Страховым о «Войне и мире» было и верным и справедливым, но его главная цель не была достигнута. Толстой отказался принять из его рук знамя «Зари».

Страхов, неуклонно продолжая «борьбу с Западом», пытается доказать, что «хищный» тип – это прежде всего западный тип, а «смирный» характер – чисто русское явление, ссылаясь, в очередной раз на своего «учителя». Однако если учесть именно то, что русский героизм для критика – прежде всего «героизм смирения» и что – как вслед за Страховым утверждает его исследователь Н. Н. Скотов – «знаменитый Платон Каратаев не только не выпадает из русской формулы героической жизни, но в известном смысле сводит ее к себе», то, поскольку в романе Толстого речь идет все же о войне, об Отечественной войне, само выражение «смирный героизм» было парадоксом.

Уязвимые стороны критического разбора Страхова помогают понять свидетельства современников (С. А. Толстой, Т. А. Кузминской) и его переписка с Л. Н. Толстым. Из мемуаров Кузминской явствует, что именно (помимо общей высокой оценки «Войны и мира») привлекло в статьях Страхова внимание Толстого. Во-первых, это замечание критика о простоте сюжета и картин романа, во-вторых, рассуждения об объективности авторского повествования, в-третьих, выводы о глубине и беспощадности психологического анализа. Среди этих мест нет ни одного, которое касалось бы излюбленных мыслей критика о «хищных» и «смирных» типах и борьбе между ними, определяющей будто бы идейно-художественную структуру романа, об основных идеях «Войны и мира», вытекающих из такой типологии характеров. И это не случайно, а подтверждается перепиской писателя с критиком, относящейся к середине 70-х годов.

В ответ на письмо Страхова от 25 декабря 1875 года, в котором критик разбивал мысль о резком делении русского народа «на два класса, людей пассивных и деятельных», Толстой – в письме от 1 – 2 января 1876 года – отвергал как само деление, так и страховскую оценку обоих классов. «Главное

же сама мысль неверна», – отмечает писатель, указывая на деятельное начало в тех людях, которых критик зачислял в разряд «пассивных». Народное, по мысли Толстого, было деятельным и сильным. Об этом и писал Толстой в своем письме Страхову «Противоположное смиренному есть тип бунтующий или горящий, но не хищный». Суждения Страхова «о двух сортах людей» Толстой отводил как неточные и в письмах по поводу «Анны Карениной». Важными эти письма являются для уяснения, во-первых, вероятной толстовской оценки статей критика о «Войне и мире», а во-вторых, для оценки критических приемов Страхова, которые далеки от толстовского идеала критики «для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении». А именно это стремление – отыскать «мысль в художественном произведении» – характерная особенность критического метода Страхова. Во всех статьях цикла о «Войне и мире» критик занят поисками формулы, которая выражала бы главную мысль, идею романа. То это «идея героической жизни», то вера в жизнь «таинственная глубина жизни – вот мысль «Войны и мира», то эту «существенную мысль, разлитую в этой огромной эпопее», критик находит в словах «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды», то это «мысль о том, что история совершается помимо людского произвола».

Критик преследовал не особенно скрываемую цель выставить роман Толстого своего рода знаменем славянофильского направления, а самого писателя представить «славянофилом». Это «подтягивание» к славянофилам не могло импонировать писателю, поскольку шло вразрез с его подлинным – преимущественно негативным – отношением к славянофильству и «народности славянофилов».

И все же Достоевский оказался прав именно статьями о «Войне и мире», далеко не бесспорными, но проникнутыми «бесконечной симпатией» к Толстому, Страхов остался в истории русской классической критики.

В третьем параграфе третьей главы – «Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в оценке Н.Н. Страхова» – выделяются основные аспекты оценки критиком названного толстовского романа.

На протяжении 1870-х годов «Анна Каренина» являлась предметом пристального внимания и осмысления в переписке Страхова с Л.Н. Толстым. Статья «Взгляд на текущую литературу» явилась своеобразным итогом, включившим в себя основные положения критической оценки Страховым романа «Анна Каренина».

Отзывы об «Анне Карениной» в критике тех лет оказались противоречивыми и даже взаимоисключающими. В полемику были втянуты важнейшие журналы и газеты 70-х годов «Русский вестник», «Дело», «Отечественные записки», «Биржевые ведомости», «Вестник Европы» и другие издания. На этом разноголосом фоне голос Николая Страхова звучал уверенно и сильно.

Страхов одним из первых отметил, что «Анна Каренина» – роман не о любви, а о семье, поддержав в этом вопросе самого автора.

Адекватным авторскому замыслу является замечание Страхова по поводу структуры романа, о том, что «рассказ распадается на две части или на два слоя, слишком слабо связанных внешним образом, но внутри имеющих тесную связь»

Несмотря на предостережение Толстого от «бессмыслицы отыскивания мысли в художественном произведении», критик и в «Анне Карениной» пытается выявить общую идею романа, которая по его словам, выступает очень ясно, потому что не только Каренина приходит к самоубийству без ярких внешних поводов и страданий, но и Левин, ведущий такую нормальную жизнь, чувствует под конец расположение к самоубийству и спасается от него только религиозными мыслями, вдруг пробудившимися в нем, когда мужик сказал, что нужно Бога помнить и жить для души. Здесь, с одной стороны, Страхов отступает от толстовского идеала критики, но с другой стороны, выражает ответ самого писателя на основной вопрос нравственной философии, заключенный в итоговых размышлениях Левина «Для брюха жить дурно, а надо жить для правды, для Бога»¹

Н.Н. Страхов, неукоснительно продолжая «борьбу с Западом в нашей литературе», не удержался от того, чтобы не сравнить Толстого с Тургеневым и не упрекнуть второго в отсутствии «точки опоры» и беспочвенности

Н.Н. Страхов совершенно точно подметил, что в «Анне Карениной» художественно представлена целая типология любви – любовь платоническая и чувственная. Тот или иной тип любви «служит пробным камнем для людей», – утверждает автор устами Левина. В этом отношении любовь Анны и Вронского и любовь Левина и Кити разные по своему характеру, хотя обе бесспорно искренние и сильные.

Наделенный тонким художественным чутьем Страхов подмечает, что эти два типа любви – низменная нечистая страсть и высокое чистое чувство – намечены автором даже между героем (Вронский) и героиней (Анна) «Как бесподобны те минуты, когда Анна и Вронский на один волос от сознания, от покаяния, но не могут переступить этого волоса! Какой чудесный и яркий контраст нечистой страсти и чистых чувств!»²

Но ограниченность консервативного мышления Страхова ярко проявилась в том, что он не смог подняться до понимания истинной трагедии Анны, осмысления ее вины как вины трагической. Анна Каренина трагическая героиня по масштабу своей личности, по глубине чувства и остроте переживаний, по сосредоточенности на одной, но пламенной страсти, по бескомпромиссности характера и поведения. Из всего этого с необходимостью вытекает ее борьба с собой и неизбежный трагический финал.

Начальная фраза толстовского романа «Все смешалось в доме Облонских», интерпретируясь Страховым адекватно авторскому замыслу, расширяется в своих смысловых границах и переносится на все сферы общест-

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Собр. соч. В 20 т. М., 1965. Т. 8. С. 329.

² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. С. 82.

венной и частной жизни «Этот роман действительно изображает нашу современность, он есть изображение общего душевного хаоса, господствующего во всех слоях, кроме самого нижнего»

Отсюда и особо понимаемая критиком трагедия заглавной героини толстовского романа Трагедия Анны, по мнению Страхова, в беспочвенности, в том, что у нее нет «твердых начал», что под ее ногами «колеблется почва» Левин «нашел спасение в религиозных мыслях», а Анна, несмотря на свои мучения, «не образумилась ни на минуту, не знала даже, куда обратиться, чтобы искать спасения»

Одному из современников Н Н Страхова В А Гольцеву представляется нарочитой и натянутой тенденция к эстетизации христианских ценностей, проявлявшаяся у критика все сильнее к концу его творческой деятельности и представление Толстого «христианским художником», что является проявлением субъективности и односторонности Страхова

Мы можем не соглашаться с отдельными страховскими оценками и выводами, но с тем, что в целом критик оказался прав, назвав роман «Анна Каренина» великим произведением, достойным пера автора и всей русской литературы, нельзя не согласиться

В заключении подводятся итоги исследования Литературно-критическое наследие Н Н Страхова внесло значительный вклад в развитие русской классической критики, поскольку его основные положения и выводы по романам И С Тургенева и Л Н Толстого до сих пор являются актуальными и получают дальнейшую разработку в творчестве современных российских литературоведов

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1 Малецкая Ж В Некоторые особенности критического метода Н Н Страхова // Сборник научных статей К 75-летию профессора Н А Горбанева Махачкала, 2006 С 63-75

2 Малецкая Ж В Роман И С Тургенева «Дым» в оценке Н Н Страхова // Научное обозрение Сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана Выпуск 33 Махачкала, 2006 С 159-166

3 Малецкая Ж В О «художественных недостатках и высоких художественных достоинствах» одного «великого произведения» (Роман Л Н Толстого «Анна Каренина» в оценке Н Н Страхова) // Сборник научных статей К 75-летию Дагестанского государственного университета Махачкала, 2007 С 56-67

4 Малецкая Ж В Основные принципы критического метода Н Н Страхова // Вестник Дагестанского научного центра Выпуск 27 Махачкала, 2007 С 110-115

Подписано в печать 24 12 07 Бумага офсетная
Печать офсетная Формат 60*84 1/16 Усл печ л – 1,5
Заказ № 184 Тираж 100 экз

Отпечатано в типографии “Радуга-1”
г Махачкала, ул Коркмасова 11а